

— Князь Мин, осторожно! — неистовый крик Жун Ху неожиданно долетел до уха, одновременно с этим Ло Юнь подпрыгнул и, внезапно бросившись, молниеносно оттолкнул князя.

Подвергшись неожиданному толчку в сторону, Фэн Мин почувствовал головокружение, меж тем слыша странный звук, будто что-то упало на землю, вслед этому донеслись ругань и лязг вынимаемого из ножен оружия.

— А! — вдруг раздался девичий крик.

Находясь за спинами Жун Ху и Ло Юня, князь совершенно не мог разглядеть всей картины произошедшего, а услышав крик, и вовсе перепугался, потому, боясь потерять своих милых служанок, он, вытянув шею, выглянул из-за «преграды» и прокричал:

— Девочки, скорее сюда!

Высунув голову, Фэн Мин невольно оцепенел. Стоящие снаружи охранники выглядели — будто перед лицом сильного врага — настороженно и, обнажив мечи, полностью окружили это шириною в чжан место, а пять или шесть человек направили остриё мечей на Тайцаня и несчастную женщину, держа их под надзором.

Стоящие в окружении мерцающих на солнце мечей служанки выглядели испуганными, а взгляды сосредоточились на одном — столе, за которым только что сидел Фэн Мин и который уже был разломан на несколько частей, чашечки и кувшин для подогрева вина разбились, и терпкий запах алкоголя витал в воздухе.

Какой-то окровавленный человек лежал на деревянных обломках некогда бывшего стола, руки, ноги и шея мужчины были неестественно изогнуты, а в тростниковой крыше небольшой «лавки» зияла огромная дыра.

Разумеется, этот странный мужчина словно с небес свалился[1], сломав кровлю «лавочки».

Ло Юнь настороженно осмотрелся вокруг и только тогда сделал шаг вперёд, нагнулся проверить его дыхание, после просто сказал:

— Мёртв.

Цю Лань, ещё не оправившись от испуга, дрожащим голосом проронила:

— Это подосланный убийца?

— Если это подосланный убийца, в таком случае он слишком глупый. — Хмуρο взглянув на

мёртвое тело, Жун Ху вышел наружу и, запрокинув голову, посмотрел с минуту, после, вернувшись к князю, доложил: — К «лавке» присоединена большая трёхэтажная гостиница, и, вероятнее всего, этот человек выпал именно оттуда, рухнув как раз на крышу этой «лавки». К счастью, кровля ветхая, и нам удалось увидеть, как перед падением сюда что-то промелькнуло. Смерть этого человека наступила сразу же. Однако он чуть не раздавил князя Мина.

Ло Юнь, перевернув покойного, сделал вывод:

— Его избили, а после сбросили, чтобы он разбился насмерть.

— Выяснить, кто этот безжалостный преступник, не получится, ведь даже местная охрана может замучить человека до смерти, — с неким изумлением пояснил Жун Ху.

А поскольку умерший не являлся подосланным убийцей, то и мечи, окружавшие со всех сторон, вновь вернулись в ножны.

Фэн Мин, выйдя из «укрытия», хмуро проговорил:

— Посмотрите на его одежду, так одеваются войска Фэньчэна? — И устремил взгляд на Тайцаня.

Так как чиновник являлся местным жителем, то наверняка мог знать об этом.

Несчастна судьба Тайцаня: желая всеми силами спасти жизнь мужа младшей сестры, чиновник создал план, вот только его тактику «скорбящего воина»[2] постоянно преследовало несчастье. Первый раз неизвестно откуда взявшийся тип по имени Му Са перебил его намерения, теперь он столкнулся со «злым духом, рухнувшим с небесной выси». М-да, год у чиновника выдался действительно несчастливый, только что его чуть не пронзили охранники, держа в окружении. От страха в лице мужчины не было ни кровинки. Тайцань увидел, что князь смотрит на него, его губы задрожали, а сам мужчина уже было собирался дрожащим голосом ответить, как Ло Юнь прервал все его попытки, холодно произнеся:

— Смерть человека не является какой-то редкостью, что тревожит молодого господина?

На что Жун Ху отозвался:

— Здесь умер человек, в конце концов, это опасное место, а положение князя Мина очень ценное, поэтому не стоит задерживаться и лучше вернуться на корабль, где и продолжим разговор.

Ло Дэн полностью поддержал слова телохранителя.

Чем больше людей, тем больше сил[3], и, оказавшись в беспомощном положении, Фэн Мин был вынужден согласиться. Жун Ху, следуя его указаниям, отвёл чиновника и старушку обратно на корабль.

Когда повозки оказались за городом, Цю Юэ внезапно вскрикнула. Оказалось, милый цветок юцзы, что поначалу девушка воткнула в волосы Цю Лань, тоскливо висел, на удивление быстро увядая.

Свои же воткнутые в волосы цветы близняшки сорвали. Вот уж действительно единые души, девушки только и могли, что выбросить некогда украшавшие их бутоны в окно, невольно вздыхая, поэтому обратный путь выдался ещё печальнее.

Весёлая прогулка по Фэньчэну в итоге сменилась на совершенно грустное возвращение. Цю Лань и близняшки, на чьих глазах человек разбился насмерть, вернувшись под вечер на корабль, были настолько обессилены, что даже не шутили и не смеялись, как это бывало обычно. Фэн Мин тоже был подавлен и опечален, вспомнив об этой седой старушке, князь приказал слугам позвать к себе Тайцаня:

— Мы ещё не решили дело мужа Вашей младшей сестры, что же случилось дальше?

Тайцань никак не думал, что после случившегося князь всё ещё заботился о его проблеме, мужчина был крайне тронут и, с шумом упав на колени, спешно ответил:

— Муж младшей сестры делал отличное вино, в Фэньчэне его каждый знает, а после открытия маленькой лавки доход стал медленно увеличиваться, торговля шла неплохо... Ах, скажу прямо, сегодня упомянутая генералом Жун Ху большая трёхэтажная гостиница месяц назад ещё принадлежала зятю[4].

Слова мужчины ввергли князя в замешательство[5], и он в недоумении выпучил глаза. Вот только винить князя за искреннее удивление не стоило, ведь Тайцань, как сказано было ранее, являлся чиновником. Как могло случиться, что его единственная родная сестра вышла замуж за бедного простолюдина, держащего винную лавку, а на деле ещё недавно являющегося хозяином огромной гостиницы, благодаря которой он должен был считаться самым зажиточным человеком в Фэньчэне?

— Так та небольшая лавка...

— Говоря об этом, на самом деле подобное злит и вызывает ненависть у людей.

Тайцань вдохнул, собираясь что-то сказать, но Фэн Мин перебил:

— Хватит стоять на коленях, мне приходится опускать голову, смотря на Вас, от этого шею ломит. Встаньте и присядьте, тогда поговорим, хорошо? — Князь помог мужчине подняться,

после чего приказал Цю Юэ подать горячий чай.

Чжан Тайцань хоть и был рангом ниже, но тем не менее из поколения в поколение следовал традициям, с детства перенимая их от деда и отца, до тех пор пока сам не стал в чиновничьей должности встречать достаточно много достопочтенных людей, однако такого человека, как Фэн Мин, видел впервые — благородный, улыбочивый, да ещё нежный и простодушный, с людьми общался мягко без какой-либо фальши.

Как только князь протянул руку, помогая подняться, чиновник слегка удивился и, помимо своей воли поднимаясь, украдкой смотрел на Фэн Мина. Цю Юэ, извинившись, подала чай, и только тогда мужчина продолжил:

— Изначально, когда муж младшей сестры открыл гостиницу, сестра была беременной, и им жилось, собственно говоря, хорошо. Но неожиданно на третий месяц пришла беда — «сверху» приказали прислать вино в столицу, сказав, что по слухам муж моей младшей сестры делает потрясающее вино. Но вино юцзы за пределами Фэньчэна меняет свой вкус, и, когда его доставили в столицу, то оно, конечно же, скисло. — Упомянув последнее, чиновник продолжил, только в голосе чувствовались нотки слёз: — Поэтому мужа моей младшей сестры посадили под арест, конфисковали имущество, даже мою младшую сестру вместе с матушкой выгнали из дома. Младшая сестра очень слаба, теперь только и остаётся, что позволить матушке коротать свои дни, торгуя вином юцзы в ветхом шалаше.

— Неожиданно из-за такой бессмыслицы? — услышав о такой несправедливости, Фэн Мин крайне рассердился; немного поделав дыхательное упражнение, чтобы успокоиться, князь внезапно вспомнил, чему его учил Ле Чжунлю: «дела не решить злостью и пустым скандалом, сдерживай чувства, немного успокойся, а, поразмыслив, говори». — Если его держат в тюрьме Фэньчэна, то у Вас есть полномочия, которыми стоит воспользоваться, дабы освободить Вашего зятя, взывайте к справедливости, требуя внести ясность в данное дело.

— Разве можно воззвать к справедливости? — со вздохом ответил чиновник. — Всё это время я встречался с людьми, ища у них поддержки, при виде духов — молился им, ходил к чиновникам Юньинь, умоляя каждого из них, несколько раз приходил к ведущему это дело генералу Лэ Тину, кланялся в землю, умолял его пощадить жизнь мужа моей младшей сестры, чтобы он пожалел, ведь это не его вина, а про эту особенность вина юцзы знают все в Фэньчэне.

Князь, вспомнив, что, когда они покинули город, цветы юцзы, которые были в волосах служанок, ни с того ни с сего завяли, понял и признал — Тайцань был прав. Слегка кивнув, Фэн Мин снова спросил:

— А что за человек этот генерал Лэ Тин?

— Государь лично назначил его на эту должность, к тому же он является главнокомандующим нашего городка и в его руках право вершить наши судьбы. Генерал в одно мгновение может либо приговорить, либо отпустить моего зятя. — И мужчина слегка отчеканил хриплым голосом: — Я несколько раз обращался к высшему военному совету и почти преподнёс все

накопленные веками родовые ценности, только тогда главнокомандующий пообещал немного смилостивиться.

На что князь вновь задал вопрос:

— Он пообещал отпустить Вашего зятя?

— Хорошо, если было бы так, — горько улыбнувшись, проронил чиновник. — Моего зятя уже обвинили в серьёзном преступлении — оскорблении императорского двора, а главнокомандующий смилостивился, но пообещал, что если снова вино при доставке в столицу всё так же скиснет, то зятя приговорят к яожань[6]. Он единственная опора в семье, убить его — всё равно что убить всю семью. Разве не так?

Фэн Мин нахмурился: «Какого чёрта это считается "смилостивиться"? Если у вина юцзы такая любопытная особенность, сколько раз ни присылай, всё равно скиснет».

Понимая, о чём думает князь, Тайцань сказал со вздохом:

— Хоть спасти человека и нельзя, но можно потянуть время. Я лишь хотел воспользоваться этим промежутком, чтобы выяснить: может ли оказать помощь благородная персона и освободить моего зятя на свободу. Увы, в наше время жизнь простолюдина ничтожна, лишь имеющий власть и славу человек сможет замолвить словечко, которое спасёт одну человеческую жизнь. — Договорив, бедняга жалобно посмотрел на Фэн Мина — разумеется, князь являлся отличным вариантом, ведь именно он был тем, кто «имел власть и славу».

Фэн Мин же, напротив, невольно подумал: с чего это он властный и славный?! Находясь в положении молодого господина Сяо, самое малое, что ему оставалось, — перевезти золото и корабль, что же касается «князя Мина», то этот титул даровал ему император Силэй, который теперь был не у дел, а его место занимал Тун-эр, и вероятнее всего силэйцы, встретившись с ним, не чествовали бы его, что уж говорить о здешнем народе Юньинь?!

Вот только, кто знает, может, в этом необыкновенном вине есть особые химические свойства. Жаль, что князь не являлся химиком, да и с собой не было никаких приборов, иначе, может быть, он смог бы узнать состав вина и помочь.

Тайцань, глядя на молчаливого Фэн Мина, испугался, что последний не собирается ему помогать, в носу зашипало, а сам чиновник с рыданиями обратился к князю:

— Если даже князь Мин не согласится протянуть руку помощи, то для моей младшей сестры вся жизнь закончится. Князь Мин, пощадите, ради дочери с матерью и нерождённого дитя, проявите жалость, проявите жалость! Я кланяюсь Вам... — поднявшись со стула, Тайцань вновь хотел рухнуть на колени и начать кланяться.

Однако на этот раз князь уже был готов и, придерживав мужчину, хмуро вернул:

— Вам не стоит беспокоиться, я не сказал, что не помогу. Вашего зятя действительно несправедливо обвинили, это... это... ах, ладно, постараюсь Вам помочь и придумать что-нибудь.

От одного лишь слова князя глаза, так похожие на горошины, просияли, а сам мужчина взволнованно проговорил:

— Тогда вся семья рассчитывает на князя Мина! Если зять избежит уготованной участи, то князь Мин станет его вторым родителем[7].

Поклоняясь и постоянно благодаря, мужчина вытер слёзы и, потащив свою сытую тушку, спешно покинул покои, явно собираясь сообщить хорошие вести плачущей до беспомощности женщине, что находилась в другой комнате.

Князь, хоть и расчувствовавшись немного, дал обещание, но на самом деле как спасти родственника Тайцаня, понятия не имел. Выпроводив чиновника, Фэн Мин вернулся к себе, сел и с огорчением обратился к измученным слугам:

— Вы всё слышали, теперь как лучше поступить?

До сих пор стоящий в стороне Ло Юнь, который оставался безразличным зрителем и всегда был немногословен, на этот раз первым высказал своё мнение, словно выливая на князя таз холодной воды, спуская с небес на землю:

— Смерть их близких к нам не имеет никакого отношения, так к чему молодому господину вмешиваться в эти хлопоты? К тому же этот Тайцань, посмотришь на него и сразу поймёшь, что он коварный тип и далеко не наивный.

Характер Фэн Мина был мягкий, а пожив с Ло Юнем какое-то время, князь и вовсе привык к его колкостям, потому терпеливо ответил:

— Жизнь человека касается неба[8]. Как можно бросить несчастного на произвол судьбы? Увидев в пути несправедливость, обнажи меч в защиту обиженного[9]. Если в сердце нет доблести, разве не досадно владеть искусством войны?

Ло Юнь, начав здраво мыслить, сразу приступил к изучению владения мечом; кроме личного учителя Ло Нина, юноша обучался всему у старшего поколения людей рода Сяо, каждый из них учил его убивать быстро, метко и жестоко, безжалостно и хладнокровно, без колебаний, но никто не говорил ему про истину наподобие «увидев в пути несправедливость, обнажить меч в защиту обиженного».

Тон князя хоть и звучал мягко, однако на самом деле в нём чувствовалась небольшая иголка[10], более того, внимательно вслушиваясь в его слова, нужно было каждую фразу воспринимать как учение. Будучи ошеломлённым, Ло Юнь подумал: «Неожиданно этот глупый мальчишка оказался острым на язык». После долгого молчания юноша холодно выплюнул:

— Доблесть не является наставлением нашего рода Сяо.

На что князь блёкло проговорил:

— С определённого момента я стал полноправным хозяином, значит, теперь доблесть будет являться наставлением рода Сяо.

Ло Юнь, развернувшись, уставился на него взглядом, что был подобен холодной игле, как у безжалостного убийцы. Фэн Мин, в свою очередь, спокойно смотрел на него в ответ, но в груди сердце заходило будто маленький барабанчик, тревога охватывала разум: «Каждый из членов семьи Сяо "урвал" кусочек упрямства моего отца, к тому же Ло Юнь озлобился, вечером, когда он будет охранять меня, возможно, воспользуется тем, что я уснул, и вонзит мне меч в сердце[11]? Ох, нехорошо, сегодня вечером следует его с Жун Ху поставить для моей безопасности, Цю Лань придётся побыть одной в эту ночь, наверняка она не станет мне жаловаться, вот только когда останется с Жун Ху наедине, то, возможно, оторвёт ему уши, изливая свой гнев...»

Представив Жун Ху без ушей, князь вдруг, не удержавшись, прыснул от смеха.

Когда это увидели другие, то посчитали, что он совершенно не боится мрачного взгляда Ло Юня, потому без испуга и опаски спокойно улыбнулись за компанию. Даже Жун Ху в душе подумал: «Князь Мин действительно стал взрослее, чем раньше, нет уже того малодушного юноши, который впервые отправился в Фаньцзя».

Если бы он знал, какие мысли сейчас вертятся в голове Фэн Мина, то, может быть, упал бы в обморок.

— Князь Мин прав — жизнь человека касается неба, если можно спасти человека, нам следует протянуть руку помощи, ведь это тоже считается доблестью.

Жун Ху, поразмыслив немного, с толком сказал:

— Но Ваш подчинённый также разделяет мнение Ло Юня насчёт того, что Тайцань коварный. Можно быть уверенным в одном — раз уж он так горячо любит свою младшую сестру, то, само собой разумеется, мог бы помочь им с матушкой. Как так получилось, что он оставил их в разрушенной лавке торговать вином? По-моему, этот сломанный навес сделан лишь для того, чтобы вызвать сочувствие князя Мина.

Ло Дэн кивнул:

— Это подлинное поведение Тайцаня. Я много лет общался с ним, он не является негодяем, только ему нравится забавляться с настроением других, обводя их вокруг пальца. Вероятно, завлѣк молодого господина с помощью вина из цветов юцзы, а потом ещё использовал разрушенный навес с пожилым человеком, вызывая сочувствие князя Мина, а после решил «отчаянно» умолять молодого господина смилостивиться и вмешаться в данное дело.

— И впрямь это так, — внезапно осознал Фэн Мин, но, не сильно злясь, лишь горько улыбнулся, говоря: — Такой метод действительно неплох. Выпив вина юцзы и услышав его историю, увидел эту несчастную старушку, а потом, узнав про несправедливо посаженного его родственника, правда проникся и даже был возмущѣн, а к его зятю испытал сочувствие. Если бы этот чиновник являлся генералом, то наверняка считался бы искусным стратегом, который мог ударить по моральному духу противника.

На что Цю Юэ прошептала:

— Наверное, он прослышал, что наш князь Мин добросердечный, потому и придумал этот план.

— Хоть он применил такой план, он не сделал ничего плохого, так что забудем об этом, — князь непринужденно махнул рукой и внезапно спросил со странной интонацией: — Если бы мы не сошли в Фэньчэне, то разве не расстроили бы его план?

Ло Дэн ответил, смеясь:

— Молодой господин слишком распереживался. Пристань Фэньчэн является достаточно большим местом для корабельных перевозок семьи Сяо, потому велика вероятность, что проплывая мимо него, молодой господин сделает остановку. К тому же даже если бы не остановились, и что же? Он только бы потратил силы на «постройку» разрушенного навеса, и всё.

Все засмеялись, говоря: «И впрямь».

Немного отсмеявшись, князь хмуро сказал:

— Вот только теперь встал огромный вопрос: как спасти его зятя? Я ведь уже пообещал, даже исключительно ради несчастной женщины я должен сделать всё, что смогу. Хотя бы отплатить за несколько чашечек такого вкусного вина.

И пока князь пребывал в глубоком раздумье, за дверью внезапно донёсся звук шагов.

— Докладываю молодому господину! — служащий головорезом Сяо Жаньцин, толкнув дверь,

вошёл, после чего продолжил, сообщая: — Генерал Юньинь Лэ Тин, узнав, что молодой господин прибыл в городок, что находится под его управлением, явился и просил передать о его визите. — Юноша также состоял в десятке охранников, которых приставил к Фэн Мину Ло Нин.

— А? — изумился князь. Вот уж действительно, вспомни о человеке — он на пороге, помяни дьявола — явится дьявол. Вот только зачем он просит визита? Неужели подозревает, что князь хочет сунуть нос в дела Юньинь, потому специально явился предупредить?

Князь вновь спросил:

— Уже прибыл?

— Докладываю молодому господину: генерал Лэ Тин прибыл на пристань и как раз садится на корабль.

Ло Дэн предложил:

— Он считается знатным генералом, управляющим силами Юньинь, молодому господину следует встретить его, дабы выказать уважение.

Фэн Мин кивнул:

— Хорошо, мы выйдем встретить его.

Ведь немного погодя нужно было с ним переговорить по делу зятя Тайцаня, потому предполагалось, что перед этим необходимо расположить генерала к себе.

Поведя за собой слуг, Фэн Мин вышел из покоев и, оказавшись на палубе корабля, заметил на пристани более дюжины быстроногих скакунов, на которых князь смутно разглядел поводья и седла армии Юньинь. Все вновь прибывшие как раз переходили по корабельной доске, восходя на судно.

— Дорогой гость садится на корабль, а князь Мин ещё не поприветствовал его, прошу простить князя Мина! — громко проговорил Фэн Мин, усмехаясь, и в компании свиты дошёл до носа судна, после чего сказал, смеясь: — Главнокомандующий прибыл, и мой небольшой корабль внезапно озарился светом[12].

Последние несколько фраз с дипломатической формулировкой использовались в исторических дорамах и сейчас пришлись кстати.

Свита Лэ Тина состояла приблизительно из тридцати пяти-шести человек, сам же генерал

выглядел старше и могущественнее, его мужественное тело было облачено в иссиня-чёрное длинное платье без доспехов, только меч висел за поясом. Мужчина выглядел как талантливый и аккуратный человек, стоило бросить взгляд, и сразу понятно — истинный главнокомандующий. Он, взойдя на корабль, вёл за собой пять-шесть телохранителей и, оказавшись перед князем, расхохотался, а его голос звучал громко, подобно колоколу:

— Князь Мин слишком скромн, это называется «небольшой корабль»? Так какая джонка тогда является большой? — Сделав паузу, мужчина смерил взглядом Фэн Мина и с горящими воодушевлением глазами воскликнул: — Юный герой действительно выдающийся[13] юноша. Этот генерал слышал слухи о том, какой князь Мин из Силэй находчивый, но сегодня, увидев Вас, вижу, что и впрямь в Вас есть отвага и решимость, сражающие противника наповал, это производит глубокое впечатление.

Князь Мин из Силэй, он же молодой господин рода Сяо, обладающий должными манерами, с лёгкой улыбкой сказал:

— Отвага и решимость, сражающие противника наповал? Ах, я как раз думал использовать подобные слова, восхваляя генерала, но никак не предполагал, что генерал опередит меня.

Когда Лэ Тин оглядывал князя, последний, в свою очередь, окинул взглядом самого генерала, изумляясь в душе. Услышав про дело зятя Тайцаня, Фэн Мин, естественно, представил Лэ Тина со свиной головой и толстобрюхим неразумным типом, но сейчас при встрече понял, что мужчина напротив совершенно не соответствовал его представлениям.

Думая об этом, князь повернулся, жестом приглашая:

— Генерал Лэ, прошу входите, а там поговорим.

Джонка семьи Сяо называлась самой большой в мире, и это было вовсе не бахвальство.

Гостиная корабля в сравнении с обычной домашней гостиной была огромной, обстановка великолепной, сияющей фиолетовыми и изумрудными оттенками. Лэ Тин и Фэн Мин, ступая плечом к плечу, вошли в комнату, после чего, разделившись на гостя и хозяина, сели, а служанки немедля, словно речной поток, подали горячий чай с превосходными пирожными.

— Не зря ходит слава о большой джонке семьи Сяо, ведь она и впрямь роскошная. Тц-тц, даже повозка императора не впечатляет. — Лэ Тин обвёл взглядом комнату, восхваляя, и только потом, улыбнувшись князю, вновь заговорил: — Князь Мин не обижается на Лэ Тина за непрошенный визит. Действительно, из-за огромного доброго имени князя Мина из Силэй данное путешествие по странам подняло большой шум, что вызвало у этого генерала любопытство, и до смерти захотелось увидеть собственными глазами человека, чьё имя потрясло всю Поднебесную. Узнав, что князь Мин ненадолго остановился на пристани Фэньчэн, этот генерал спешно приказал седлать коня и под покровом ночи поспешил встретиться, дабы не упустить такую возможность.

— Вы мне льстите. Чтобы сам знаменитый генерал Лэ Тин прибыл встретиться, это, наоборот, честь для меня, — с лёгкостью похвалил князь генерала Лэ Тина. Стоило сказать, что уроки Жун Тяня, Жун Ху и остальных прошли успешно, ведь после их наставлений Фэн Мин уже достаточно хорошо справлялся, встречая подобных обычных чиновников, и мог рассыпаться в похвалах перед высшими чинами.

Обоюдно попивая хороший чай и вкушая пирожные, генерал с Его Светлостью беседовали о погоде и подобных бессмысленных темах. Лэ Тин казался откровенным человеком, говоря непосредственно прямо, что нравилось князю.

Хоть двое мужчин наслаждались беседой, однако Фэн Мин не мог осмелиться действовать опрометчиво и откровенно упоминать о деле зятя Тайцаня. В конце концов данное дело относилось к другой сфере, и если ни с того ни с сего задать наиболее болезненный вопрос, то можно вызвать недовольство любого человека. По неосторожности, если разозлить генерала, то план о прощении пощадить невинного винодела потерпит неудачу.

Лучше сначала празднично побеседовать, чтобы расположить человека. Разговаривая какое-то время, вкушая пирожные, развлекаясь прочими бессодержательными темами, князь долгое время размышлял, внезапно вспоминая недавно встретившегося ему мужчину, который, несомненно, являлся непростым человеком, и, может быть, генерал Лэ Тин знаком с ним, потому Фэн Мин сразу же обратился к мужчине, спрашивая:

— Прощу прощения за дерзость, но хочу у генерала Лэ спросить об одном человеке.

— Э? Каком?

Описывая образ этого человека: рост, внешний вид, манеру речи и поведение, Фэн Мин продолжил, вздыхая в восхищении:

— К сожалению, тогда мы не успели подробно побеседовать, более того, он мельтешил и лишь сказал своё имя — Му Са, попросив, если я отправлюсь в Бэйци, зайти к нему погостить, после чего без оглядки ушёл. Ах, Бэйци так или иначе является государством, и, кто знает, сколько там мужчин по имени Му Са? — крайне раздосадовано покачал головой князь.

Лэ Тин, услышав его слова, опустил голову и, поразмыслив какое-то время, забормотал:

— В конце концов позволить много повидавшему князю Мину запомнить себя с первой встречи, видимо, этот человек определённо должен обладать неким превосходством и незаурядностью. Хм... Му Са? В огромном роду Бэйци — Ду — кажется, нет такого человека. Но описание, что дал князь, мне кажется немного знакомым...

От красноречивого «кажется, нет» до чуть погодя «немного знакомым» всё стало ещё запутаннее.

Лэ Тин, дважды повторяя вслух имя загадочного мужчины, смочил немного палец в чае и, написав его на столике, внезапно остановился, вдруг поднял голову и сказал, громко смеясь:

— Ха-ха, нрав этого молодого господина и впрямь не изменился, нравится молодому господину загадками говорить. Я же сказал, что описание его внешности и одеяния, манера слов и поведения мне показались несколько знакомыми.

Обрадованный Фэн Мин задал вопрос:

— Генерал знает господина Му?

Лэ Тин так смеялся, что даже большая джонка чуть слегка не закачалась, а сам генерал, махая рукой, проговорил:

— Какой господин Му? Князя Мина разыграли. Этого господина зовут Ду Фэн[14], он действительно из уважаемой семьи, которая проистекает из императорского рода Бэйци. Этот выдающийся человек любит наслаждаться красотами природы, странствовать по миру, помимо этого обладает незаурядными способностями, крайней начитанностью и талантом, отшлифованным учёбой, так ещё и в дружеских отношениях со многими знатными людьми всех государств. Вот только у него одно странное увлечение — ему нравится говорить загадками.

Проронив «Э?», князь повторил те же действия, что генерал — смочил пальцы в чае и написал на поверхности стола два слова «Му Са (□□)», затем разделил иероглиф «Са (□)» на «Ли (□)» и «Фэн (□)», после объединил две чёрточки «Ли (□)» в одну, а уже затем, поставив чёрточку горизонтально, соединил с «Му (□)», в действительности получая «Ду Фэн (□□)». Обомлев на какое-то время, Фэн Мин со смехом произнёс:

— И впрямь занимательно. Оказывается, этот человек известен как «нежеланный государь».

Имя «Му Са» никому не было известно[15], однако имя «Ду Фэн» являлось как гром в ушах[16]. В стенах императорского дворца Силэй, когда его обучением занимались специально приставленные Жун Тянем наставники[17], тогда Фэн Мин от одного из них слышал это имя. Князь до сей поры помнил, как учитель, преподавая, подчёркивал каждое слово и смешно жестиком указывал:

— Если говорить про обширные связи, непринуждённые манеры, благородный характер, безусловно-превосходное поведение, то над всеми императорами возвышается, конечно же, наш император Силэй, а среди тех, кто низятся под императорским двором, свободно странствуя по миру[18], нет никого превосходнее принца Бэйци — Ду Фэна, которого ещё прозвали «нежеланным государем». — Говоря данное предложение, учитель неоднократно намекал, подмигивая глазами, как бы давая понять: «Князь Мин, будь Вы хоть наполовину семейным человеком, было бы неплохо».

Прошлый Фэн Мин целыми днями думал, как бы незаметно без ведома Жун Тяня взять Байюня

и покинуть стены императорского дворца, и, дав себе волю, радостно покататься на нём несколько часов кряду, потому где бы у него появилось свободное время, чтобы взрастить в себе непринуждённые манеры, благородный характер, не говоря уже о безупречно-превосходном поведении, вот только к этому титулу «нежеланный государь» князь проявил огромный интерес и, подняв руку, спросил:

— А почему его прозвали «нежеланным государем»? Он бросил престол, не согласившись быть государем, и предпочёл скитаться по миру? Уа, крайне вольнолюбивый!

Учитель посмотрел на его очень глупую мордашку и протяжно с сожалением вздохнул, закончив пораньше занятия, мужчина перед уходом так и не ответил на вопрос Фэн Мина. Однако князь, найдя своё решение, по окончании урока побежал расспрашивать Ле-эра. Ле-эр же, в свою очередь, выслушав, расхохотался во всё горло и пояснил:

— Кто ж не желает быть государем, в этом кроется любовная история, а министр Чэнь — осторожный и закостенелый, постеснялся сказать, потому спешно закончил занятия и ускользнул.

От услышанного любопытство ещё сильнее охватило князя, и тот заставил телохранителя поведать обо всём.

Что Ле-эр и сделал:

— Этот знаменитый принц Ду лишь отпрыск императорского рода Бэйци, к тому же не имеет права наследовать престол, но в роду он самый уважаемый человек и вдобавок при деньгах, что уже достаточно. Он выглядит хорошо, талантливый, красивый, вольный и к тому же любит бывать везде, да и девушек очень любит, где бы он не появился, везде соблазнит немало сердец знатных дам. Как ни странно, и многие женщины его любят, и нет никого, кто бы его ненавидел.

На что князь, не стерпев, сказал:

— Говори-говори, не останавливайся.

— По слухам, однажды он явился в Чжаобэй, остановился во дворце на три дня, где пленил сердце принцессы Чжаобэй, которая с того момента постоянно думала о нём. В те годы старшему принцу Тун исполнилось пятнадцать лет, и император Тун, пожелав найти ему жену, устремил взор на принцессу Чжаобэй, написал официальное послание, сказав, что мечтает поженить своего сына и Её Высочество. Князю Мину стоит пораскинуть мозгами: с одной стороны талантливый Ду Фэн, который не сможет унаследовать престол, а с другой — принц Тун, у которого есть возможность стать будущим правителем Тун. Если сравнивать их, то большинство женщин предпочтут принца. Но кто бы мог подумать, принцесса Чжаобэй, хоть убей, не соглашалась на свадьбу, дав волю своему безрассудству, и, кроме того, написала стих, после чего приказала гонцам доставить его принцу Тун.

— А? Ещё и стих написала? — распахнув шире глаза, Фэн Мин слушал крайне увлечённо.

— Это стихотворение занимательное. — И Ле-эр, словно оказавшись на сцене, подобно петушку, театральной поступью начал расхаживать взад-вперед, его голос изменился и, став выше, тихо зазвучал: — Свежий ветерок[19] завладел ивой[20], ива горюет, скорбит-печалится, все слёзы выплакала, всё время проводя в обоюдном ожидании, прости ничтожную[21], что отвергла доброту, не желаю государя, желаю лишь муженька Ду.

Ещё тогда стоящие с боку Цю Лань и близняшки слушали с нескрываемым интересом, но как только слова стихли, девушки захлопали в ладоши, со смехом говоря:

— «Не нужен государь, нужен лишь мужёк Ду», это стихотворение интересно написано, а принцесса Чжаобэй действительно достаточно откровенна. Соблазнить сердце такой девушки — Ду Фэн, наверно, очень интересный человек.

Ле-эр, хихикая, отозвался:

— Это стихотворение после распространилось по всей Поднебесной, и чем больше оно передавалось из уст в уста, тем изумительнее становились его строки, и народ Поднебесной с тех пор начал его называть «Нежеланный государь».

Фэн Мин тогда задумался: и всё-таки как выглядит мужчина, из-за которого даже принцесса Чжаобэй не захотела становиться императрицей. Однако сейчас вспоминая днём встретившегося Му Са, а, нет, Ду Фэна, князь осознал, что характер такой личности захочешь изучить, да не получится. Такой взгляд чистых и ласковых глаз, устремлённый на тебя, вызовет неудержимую симпатию. Учитель Чэнь Тань, говорящий ему, князю, о безусловно-превосходном поведении, и впрямь не ошибся.

Чем больше Фэн Мин вспоминал, тем сильнее билось его охваченное сожалением сердце, а сам князь раздосадовано проговорил:

— Узнай я его, ни за что бы не отпустил. По слухам, этот человек — вольное облако и дикий журавль[22], чьи следы легки, и сложно их отыскать. — И вновь озадаченно добавил: — Зачем он приехал в Фэньчэн? Неужели здесь есть несравненные красотки и ласковые принцессы?

Однако Лэ Тин, внезапно понизив тон, ответил:

— Прошу меня простить за вульгарные слова, но речь князя Мина неподобающая.

— Э?

— Достаточно таких слов Вашей Светлости, чтобы понять — князь Мин обознался. — Генерал строго продолжил: — Характер принца Ду непринуждённый, но это лишь его природа, невежа

только поэтому примет его за фривольного развратника. На самом же деле принц Ду Фэн мужественный, верный, искренний и смелый, таких славных мужей, как он, крайне редко можно встретить на нашем веку.

Подобный разговор лишь подогрел любопытство князя, да так, что последний на некоторое время и думать почти забыл про дело зятя Тайцаня. В продолжении беседы Фэн Мин спешно спросил:

— Генерал — приятель принца Ду?

— Да разве мне выпадет такая удача?! — И Лэ Тин вновь заговорил: — Но я слышал о нём немало историй, которые слетали с почтенных уст и совершенно не заимствованы.

Глаза Фэн Мина просияли:

— Генерал, скорее расскажите, мне очень нравится слушать всякие истории.

— Мои уста не слишком чисты, да и рассказываю я не ярко и выразительно...

— Расскажите хотя бы одну историю.

Примечания:

[1] Обр. неожиданно появиться.

[2] Это своеобразная межличностная стратегия — с помощью скорби добиться сочувствия, так как враг считает, что скорбящая армия обречена на неудачу. Но в этом кроется главный просчёт врага: самая большая ошибка — не стоит недооценивать противника. Если войско будет демонстрировать скорбь, то добьётся сочувствия, а потом, воспользовавшись тем, что враг потерял бдительность и психологически расслабился, перейдёт в атаку. Смысл стратегии: слабый солдат обязательно победит. Стратегия берёт своё начало из второго трактата Лао-цзы «Этический канон», глава 69.

[3] Высказывание Мао Цзэдуна, которое означает «важна каждая мелочь», «сила в количестве».

[4] Муж сестры.

[5] В оригинале фраза звучит как «монах ростом в один чжан и два чи — до головы не дотянуться», обр.: не разуместь чего-то; не знать, что делать; быть в замешательстве; озадачиться.

[6] Древняя казнь — с помощью топора на плахе перерубалась поясница преступника.

[7] Обр. в знач.: спасителем, благодетелем.

[8] Обр.: дело о жизни человека — важнейшее дело; вопрос жизни и смерти.

[9] Обр. в знач.: заметив несправедливость, быть поборником справедливости и прийти на помощь.

[10] «Иголки (железо) в куче ваты», другой перевод «в вате (в коробочке хлопка) скрыта игла» является китайским выражением и звучит как (绵绵) mián lǐzhēn (мянличжэнь), что означает «сочетать жёсткость и мягкость», «и твёрдый и гибкий», «строгий и справедливый», а также может трактоваться как «держат камень за пазухой», «на устах мёд, а на сердце лёд». Впервые эта идиома зазвучала в юаньской драме «Западный флигель» автора Ван Шифу (1260-1316), китайского драматурга времён династии Юань.

[11] 心剑 — xīnjiàn (и цзянь чуаньсинь) — является своего рода выражением, используемым в уся-новеллах, само же словосочетание «меч в сердце» означает один из способов безжалостного убийства.

[12] В оригинале фраза звучит в вежливой интонации «моё скромное жилище озарилось светом», что означает «для меня большая честь, что Вы соизволили зайти ко мне».

[13] В оригинале фраза звучит как 不同凡响 (bùtóng fánxiǎng) «необычное звучание, необычный голос», обр. выдающийся, незаурядный, необычный, исключительный.

[14] 杜 (Ду) — означает «березолистная груша», а также: рвать, прекращать, подделывать, плохой; 风 (Фэн) — основное значение «ветер», но ещё «манеры» и «слухи».

[15] В оригинале фраза звучит как «не обнаруживаться в канонах и летописях», обр. в знач.: никому не известный, незначительный.

[16] Обр. о громкой славе, большой известности.

[17] 夫子 — лаофуцзы — стар. учитель (домашний, частной школы).

[18] Как мы понимаем, Ду Фэн являлся неким таким хиппи. Он пребывает в блаженстве и находится ниже правительства древней Поднебесной.

[19] В слове стоит иероглиф 风 — Фэн, отсылка к имени Ду Фэна.

[20] принцессу Чжаобэй зовут Чжан Лю, что означает «главная/растущая ива»

[21] Уничижит. я, ничтожная (женщина о себе).

[22] Обр. в знач.: не связанный никакими обстоятельствами, вольный, свободный.

<http://bllate.org/book/13377/1190217>